

Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы

Аннотация. Явление межотраслевой дифференциации юридической ответственности понимается в науке как дробление ответственности на отдельные виды по вертикали. Предложения рассматривать в качестве оснований или критериев такой дифференциации характер и (или) степень общественной опасности приобретают особое значение применительно к вопросу разграничения административной и уголовной ответственности в свете деяний с признаками административной преюдиции. Поскольку речь идет о смежных деяниях, в качестве такого основания выступает лишь степень общественной опасности, одновременно имеющая значение и основания криминализации. Сторонники разумного присутствия конструкции административной преюдиции в уголовном законе обосновывают ее возникновение у повторно совершенного правонарушения либо кумулятивным эффектом при условии массового распространения соответствующих деяний, либо свойствами личности преступника, демонстрирующими его готовность к противоправному поведению, включая криминальное. Полагаем, что обе позиции имеют право на существование, не являясь при этом взаимоисключающими. Вместе с тем присутствие в уголовном законе ряда норм с признаками административной преюдиции обусловлено в большей степени соображениями целесообразности, нежели учетом общественной опасности, что подтверждается, в частности, данными правоприменения, свидетельствующими об их неприменении или единичном применении. Обращение к анализу судебной практики позволяет предположить, что на уровне правоприменения идея межотраслевой дифференциации административной и уголовной ответственности по большому счету не воспринята, что проявляется в недооценке общественной опасности личности преступника и нарушении общей логики преемственности видов ответственности в рамках их межотраслевой дифференциации.

Ключевые слова: административная преюдиция; межотраслевая дифференциация ответственности; общественная опасность; кумулятивный эффект; уголовная ответственность; административная ответственность; уголовно-правовые нормы.

Для цитирования: Караваева Ю. С. Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 8. — С. 81–98. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098.

© Караваева Ю. С., 2022

* Караваева Юлия Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ — Пермь)

Студенческая ул., д. 38, г. Пермь, Россия, 614017

iuskaravaeva@hse.ru

Intersectoral Differentiation of Responsibility in Criminal Law Rules Involving Administrative Prejudice Elements: Legislative and Law Enforcement Approaches

Yuliya S. Karavaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Business Law, National Research University Higher School of Economics (HSE — Perm)
Studencheskaya ul., d. 38, Perm, Russia, 614017
iuskaravaeva@hse.ru

Abstract. Science considers the phenomenon of intersectoral differentiation of legal responsibility as the «fragmentation» of responsibility into separate types in a «vertical» manner. Proposals to consider the nature and/or degree of public danger as grounds or criteria for such differentiation acquire special significance in relation to the issue of distinguishing administrative and criminal responsibility in the light of acts involving elements of administrative prejudice. Since we are talking about related acts, only the degree of public danger, which at the same time has significance and grounds for criminalization, acts as such a basis. Proponents of the reasonable presence of the construction of administrative prejudice in the criminal law justify its occurrence in a re-committed offense either by a cumulative effect, subject to the mass dissemination of the relevant acts, or by the characteristics of the criminal's personality, demonstrating his readiness for illegal behavior, including criminal one. We believe that both positions have the right to exist without being mutually exclusive. At the same time, the presence in the criminal law of a number of norms with signs of administrative prejudice is due more to considerations of expediency than to consideration of public danger, which is confirmed, in particular, by law enforcement data indicating non-application or single application. An address to the analysis of judicial practice suggests that at the level of law enforcement, the idea of intersectoral differentiation of administrative and criminal responsibility is not perceived, which manifests itself in underestimating the public danger of the criminal's personality and violating the general logic of continuity of types of responsibility within their intersectoral differentiation.

Keywords: administrative prejudice; intersectoral differentiation of responsibility; public danger; cumulative effect; criminal responsibility; administrative responsibility; criminal law rules.

Cite as: Karavaeva YuS. Mezhotraslevaya differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovovno-pravovykh normakh s priznakami administrativnoy preuditsii: zakonodatelnyy i pravoprimenitelnyy podkhody [Intersectoral Differentiation of Responsibility in Criminal Law Rules Involving Administrative Prejudice Elements: Legislative and Law Enforcement Approaches]. *Lex russica*. 2022;75(8):81-98. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098. (In Russ., abstract in Eng.).

1. Понятие межотраслевой дифференциации юридической ответственности

Поскольку «непосредственной объективной основой всего законодательства служит система самого права»¹, предмет регулирования которого образован объективно существующими общественными отношениями, специфика характера последних ставит требование дифференциации правового регулирования, а его отражением выступает отраслевая дифференциация в праве.

Несмотря на качественное различие отраслей права, одни и те же общественные отношения образуют предмет регулирования для одних отраслей и признаются объектом правовой

охраны для других. Так, Н. В. Витрук, выделяя в системе российского права публично-правовые и частноправовые отрасли, указывает, что «в публичном праве защищаются общегосударственные и иные общественные отношения. Публичное право направлено также на защиту государством частного права, установленных им правил гражданского оборота, предпринимательской и всякой иной не запрещенной законом экономической деятельности...»². Отмечая, что «категорией, концентрирующей в себе юридическое своеобразие и однородность юридического содержания отрасли, служит отраслевой метод регулирования отношений»³, В. Ф. Яковлев придает последнему значение критерия отраслевой дифференциации в праве.

¹ Яковлев В. Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 1. С. 16–23.

² Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. М. : РАП, 2008. С. 99.

³ Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 16–23.

Юридическая ответственность, рассматриваемая как «часть системы российского права»⁴, характеризуется «целенаправленным воздействием на однородные общественные отношения сразу всех видов юридической ответственности»⁵, что само по себе есть один из признаков ее системного единства. Присутствие в том или ином объеме охранительных норм в каждой из отраслей позволяет говорить о наличии многоуровневой межотраслевой системы правовой охраны одних и тех же общественных отношений, в основе которой лежат характеристики наступившего или потенциального вреда. Иными словами, речь идет о дифференциации юридической ответственности, которая производится как минимум на двух уровнях⁶, межотраслевом и отраслевом, при этом межотраслевое разделение, или дробление, юридической ответственности приводит к выделению различных ее видов, в том числе административной, уголовной, гражданско-правовой и т.д.

Разграничивая по вертикали виды юридической ответственности, А. В. Васильевский и Л. Л. Кругликов в качестве основания межотраслевой ее дифференциации называют «характер вредоносности соответствующего вида поведения... характер его общественной опасности, вредности»⁷.

В уголовном праве характер общественной опасности связывается с «направленностью деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред», что прямо указано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁸. Как отмечает Н. А. Лопашенко, «если при заключении сделки имело место любое физическое насилие или гипноз, а также психическое насилие,

которое влечет самостоятельную уголовную ответственность (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью людей), межотраслевая дифференциация должна решаться в пользу уголовного права»⁹. В этом примере автор подчеркивает качественное изменение объекта посягательства, что напрямую влияет на характер правового реагирования. Однако основанием межотраслевой дифференциации ответственности в науке предлагается признавать не только характер, но и степень вредоносности и общественной опасности. В частности, Н. В. Витрук, отвечая на вопрос о дифференциации ответственности в публичном праве на отдельные виды, связывает ее основания со «сферой их действия, степенью общественной опасности публично-правового нарушения и наступившими в результате этого специфическими правовыми последствиями»¹⁰. Далее, подчеркивая типовое сходство возникающих в обществе деликтных отношений, порожаемых правонарушениями, автор указывает на возможность выделения отдельных их видов с учетом «степени общественной вредности»¹¹. Данная характеристика при этом не сводится лишь к тяжести наступивших последствий: «дифференциация гражданско-правовой, с одной стороны, и административно-правовой и уголовной ответственности, с другой стороны, проводится по признакам деяния, а не по признакам наступившего материального ущерба»¹². Обозначенная позиция соответствует положениям вышеназванного постановления № 58, в котором Пленум Верховного Суда РФ устанавливает зависимость общественной опасности преступления от «характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла

⁴ Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности : монография. СПб. : Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр-Пресс», 2007. С. 624.

⁵ Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Указ. соч. С. 626.

⁶ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 52.

⁷ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 52.

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 131–136.

¹⁰ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 99.

¹¹ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 179.

¹² Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний. С. 131–136.

(прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание и относящиеся к совершенному преступлению, также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

Представляется, что качественные изменения характера и степени вредоносности или общественной опасности деяния становятся возможными в силу появления у регулируемых общественных отношений некоторого признака или признаков. Иными словами, в основе межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности лежит фактическое изменение охраняемых общественных отношений за счет какого-либо признака или признаков, влияющих на характер и степень вредоносности или общественной опасности деяния. При этом в рамках межотраслевой дифференциации речь идет о том, что за счет некоторого признака или признаков соответствующие общественные отношения начинают качественно не соответствовать предмету отраслевого регулирования (выходить за его пределы), что вызывает необходимость в «перевод» этих отношений в предмет регулирования иной отрасли, метод и интенсивность правового воздействия которой оказываются более подходящими (эффективными) для применения.

Будучи зафиксированным в норме права, указанные признак или признаки, во-первых, позволяют отразить качественное отличие выделенных в результате дифференциации правоотношений от типовых характеристик исходных общественных отношений, а во-вторых, имеют значение признаков, разграничивающих смежные отношения и, соответственно, правовые нормы. В приведенном выше примере Н. А. Лопашенко в качестве такого признака использует насильственный способ, связывая с его появлением основания для применения уголовно-правовых мер ответственности вместо гражданско-правовых. Несмотря на тот факт, что «основное» правоотношение сохраняет свою гражданско-правовую природу, будучи связанным с заключением сделки, возникновение у него нового качественного свойства общественной опасности позволяет относительно легко решить вопрос межотраслевой дифференциации ответственности и избрать меры уголовно-правового воздействия.

Более сложной является ситуация, когда вопрос межотраслевой дифференциации ответственности предстоит решить в отношении деяний, уже обладающих определенным «зарядом» вредоносности. По большому счету, здесь ответ зависит не от того, насколько вновь появившиеся у исходных правоотношений признаки влияют на изменение этого качества, а от того, существует ли объективная разница между вредоносностью и общественной опасностью, поскольку решение вопроса о межотраслевой дифференциации ответственности здесь предполагает фиксацию законодателем конкретного признака, за счет которого происходит переход одного качества в другое: вредоносности в общественную опасность. Легальное утверждение о том, что преступление объективно общественно опасно, а административное правонарушение — вредоносно, законодатель время от времени опровергает, как это имело место в ситуации с декриминализацией клеветы и последующим ее возвращением в уголовный закон из разряда административных деяний, в статусе которых деяние просуществовало менее года. Фактически это может означать, что в основе межотраслевой дифференциации административной и уголовно-правовой ответственности лежит не объективная разница между вредоносностью и общественной опасностью, а характер противоправности, поставленный в зависимость от воли законодателя, — единственное, что позволяет отграничивать правонарушение от преступления. В то же время очевидно, что характер противоправности — это лишь вторичный признак, который фиксирует объективные процессы межотраслевой дифференциации ответственности за то или иное деяние.

Ситуация, характерная для разграничения административно и уголовно наказуемого поведения, объясняется содержательной и инструментальной близостью соответствующих отраслей — речь идет об охранительном их характере и использовании тождественных приемов законодательной техники и терминологического аппарата. Как отмечает Н. И. Пикуров, «если сравнить сферы действия административного и уголовного права, то можно убедиться, что мало таких областей общественной и государственной жизни, в которых не пересекались бы их функции»¹³.

¹³ Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей : монография. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. С. 164.

Близость предметов отраслевого регулирования административного и уголовного права, их «генетическая связь»¹⁴ и вытекающее из этого функциональное и инструментальное сходство отраслей проявляется, в частности, в значительном количестве смежных составов правонарушений и преступлений в КоАП РФ и УК РФ соответственно. Как указывает Е. В. Рогова, число таких деяний, грань между которыми сложно провести, превышает 100¹⁵, а в работах других авторов обращается внимание на технико-юридические ошибки законодателя при конструировании этих смежных составов в ряде случаев, что приводит к невозможности их разграничения на практике¹⁶. При этом саму по себе подвижность границы между уголовно и административно наказуемым поведением в теории предлагается увязывать исключительно с политической целесообразностью, выступающей «одним-единственным критерием... дающим возможность понять, какая именно часть уголовных санкций должна трансформироваться в новые административные санкции»¹⁷. Отрицание материального критерия разграничения приводит к выводу о необходимости включить административно-деликтные отношения в предмет регулирования «широкого» уголовного права¹⁸, «уголовной сферы»¹⁹, а саму по себе административную ответственность рассматривать в качестве «квазиуголовной»²⁰.

Привлекательность этой концепции заключается прежде всего в том, что она позволяет преодолеть дискуссионность вопроса о соот-

ношении вредоносности и общественной опасности административных правонарушений и преступлений, а значит, объяснить легкость, с которой законодателем изменяется характер их противоправности, по большому счету посредством отказа от мечты о «маленьком и жестком»²¹ уголовном законе. Утрачивает свою остроту и вопрос о межотраслевой дифференциации административной и уголовной ответственности, поскольку, как отмечает С. А. Маркунцов, «административно-правовой запрет является в определенном смысле производным конструктом от запрета уголовно-правового, и своим существованием он обязан исключительно специфике российского права»²², имея в виду при этом отраслевую дифференциацию последнего.

Тем не менее действующему законодательству эта концепция незнакома, а в основе межотраслевой дифференциации ответственности остается сложившийся подход к различению вредоносности и общественной опасности административных правонарушений и преступлений. Вместе с тем его шаткость обнаруживается появлением в 2011 г. уголовно-правовых норм с признаками административной преюдиции, число которых к текущему моменту увеличилось до 27. Сама по себе конструкция таких норм по-новому ставит вопрос об основаниях межотраслевой дифференциации ответственности, поскольку технически образована совокупностью административных правонарушений, совершенных повторно (неоднократно) в

¹⁴ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 174.

¹⁵ Рогова Е. В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 23–29.

¹⁶ См., например: Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 54; Румянцев М. С., Кузнецов С. В. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 64–67.

¹⁷ Головки Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex russica. 2016. Т. 25. № 1. С. 139–145.

¹⁸ См., например: Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 1 (6). С. 37–45; Головки Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 42–52.

¹⁹ Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 65–74.

²⁰ Головки Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности... С. 139–145.

²¹ Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.

²² Маркунцов С. А. О соотношении административно-правовых и уголовно-правовых запретов // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 56–63.

определенный период лицом со статусом привлеченного к административной ответственности или административно наказанного.

Очевидно, что, несмотря на специфичность законодательных приемов конструирования данных норм, неизменным остается требование к межотраслевому разграничению способов и интенсивности воздействия на виновное лицо, предполагающее зависимость от характера и степени общественной опасности или вредоносности деяния. Административное правонарушение и преступление, состав которого образован признаками административной преюдиции, являются смежными деяниями и посягают на одни и те же общественные отношения, блага, ценности. Отсюда в целях межотраслевой дифференциации ответственности должен учитываться второй показатель — степень общественной опасности или вредоносности деяния. Сложность заключается в установлении признаков, за счет которых качество вредоносности исходного деликтного правоотношения должно преобразоваться в качество общественной опасности другого, вторичного правоотношения, за счет чего изменяется характер противоправности.

2. Общественная опасность как основание межотраслевой дифференциации ответственности за деяния с признаками административной преюдиции

Изменение характера противоправности как непереносимое следствие и внешнее проявление межотраслевой дифференциации ответственности есть формализованное отражение фактического преобразования исходного деликтного правоотношения в качественно отличающееся от него, которое условно можно обозначить вторичным. Учитывая, что основанием межотраслевой дифференциации ответственности, как было сказано ранее, является изменение

характера и степени вредоносности или общественной опасности деяния, качественное отличие данных правоотношений опосредовано переходом вредоносности в общественную опасность, если мы говорим о правонарушении и преступлении. Важно, что вопрос об основаниях межотраслевой дифференциации ответственности в данном случае оказывается непосредственно связанным с проблемой криминализации и имеет значение краеугольного камня в дискуссии о допустимости существования в принципе уголовно-правовых запретов с признаками административной преюдиции. Так, в рамках контраргументации авторами указывается на невозможность образования у деяния нового качества за счет повторности совершения проступков: «Сто кошек не могут приобрести качества тигра»²³. Представляется, что в основе этих выводов лежит исключительно технический подход, когда деяния с признаками административной преюдиции рассматриваются с позиции законодательной техники как сумма ранее и вновь совершенных правонарушений. Однако на то, что повторное совершение административного правонарушения «само по себе не повышает общественную опасность деяния», прямо указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 10.02.2017 № 2-П²⁴.

Сторонники административной преюдиции в уголовном законе, как правило, связывают приобретение деянием качества общественной опасности с характеристикой субъекта, который находится в особом правовом состоянии²⁵, вызванном привлечением его к административной ответственности за ранее совершенные правонарушения. Повторность или неоднократность здесь рассматриваются как характеристики поведения личности, демонстрирующие ее стойкую асоциальную направленность²⁶. Отмечается, что «основанием криминализации повторно совершенного деяния с признаками административного проступка выступает появление в нем юридической харак-

²³ Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. 2003. № 1. С. 3–19.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Российская газета. 28 февраля 2017 г. № 41.

²⁵ Одоев О. С. Административная преюдиция в уголовном праве России и стран СНГ : монография. М. : Юриспруденция, 2018. С. 155.

²⁶ См., например: Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006. С. 25 ; Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск : Изд-во Томского университета, 1973. С. 32.

теристики злостности, определяющей наличие общественной опасности в личности субъекта повторного деяния»²⁷.

Признание личности виновного несущей определенный заряд общественной опасности имеет важное значение для объяснения межотраслевой дифференциации ответственности, поскольку «конкретная мера той ответственности, которую в каждом частном случае несет за свои поступки человек, зависит от конкретных условий — от тех реальных возможностей, которые ход жизни предоставил человеку для того, чтобы сознательно отнестись к последствиям своих поступков и самоопределился по отношению к ним. В зависимости от этих условий с людей по-разному спрашивается за их поступки, и они по-разному несут ответственность за них»²⁸. При совершении преступления с признаками административной преюдиции в качестве таких конкретных условий, как представляется, выступают привлечение лица к административной ответственности за первое правонарушение, предупреждение его об уголовно-правовых последствиях повторного совершения, а значит, и осознание лицом этих уголовно-правовых последствий. Так, Н. В. Витрук отмечал, что «аналогичное деяние, совершенное лицом после того, как оно уже было предупреждено и наказано за подобные же проступки, содержит в себе большую степень общественной опасности»²⁹. Н. М. Лобановой и М. Ю. Лепской предлагается использование в качестве «дополнительного критерия для межотраслевой дифференциации юридической ответственности... типовых свойств лица, совершившего общественно опасное деяние, указывающих на необходимость более сурового подхода к нему, чем к прочим гражданам»³⁰.

Однако предположение о приобретении деянием преступного характера за счет опасности личности виновного граничит с теорией опасного состояния личности, что порождает критические замечания ряда ученых³¹. Вместе с тем действующий уголовный закон содержит многочисленные примеры норм, в которых свойства личности преступника учитываются законодателем в целях установления или дифференциации ответственности. В частности, сам по себе институт рецидива есть не что иное, как дифференциация уголовно-правового воздействия с учетом предшествующего поведения и «особого состояния» лица — судимости. Кроме того, институт специального субъекта преступления предполагает изменение общественной опасности соответствующих деяний, в том числе за счет характеристик субъекта, что отражается в рамках дифференциации ответственности. Наконец, установление ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии демонстрирует особенности нормативного учета криминального статуса преступника, что является одной из личностных характеристик.

Отметим, что дискуссия о том, какие элементы состава предопределяют вывод об общественной опасности преступления, зародилась в советской уголовно-правовой науке и продолжилась в современный период. Так, одни ученые обосновывают зависимость ее характера и степени от особенностей объекта и объективной стороны деяния³², тогда как другие, рассматривая состав преступления в качестве системного образования, обосновывают значение и объективных, и субъективных признаков для ее изменения, включая личность виновного³³. Как пишет А. Н. Иванчин, «общественная опасность акта человеческого поведения...

²⁷ Богданов А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 4. С. 482–486.

²⁸ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 286.

²⁹ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 175.

³⁰ Лобанова Л. В., Лепская М. Ю. Некоторые аспекты использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 63–69.

³¹ См., например: Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 65–71.

³² См., например: Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 26–28.

³³ См., например: Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М. : Юридическая литература, 1975. С. 68 ; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова [и др.]. М. : Юридическая литература, 1994. С. 67–68.

слагается из общественной опасности деяния и общественной опасности личности его субъекта»³⁴. Более того, в последнее время всё чаще ученые придают характер тенденции практике учета законодателем свойств деятеля в уголовном законотворчестве.

В рамках менее распространенной альтернативной точки зрения общественная опасность последнего из совершенных правонарушений, влекущего привлечение к уголовной ответственности, оказывается обусловленной кумулятивным эффектом вредных последствий. Таким образом, вопрос сводится к эффекту накопления и его связи с общественной опасностью последнего из совершенных проступков, при этом кумулятивный эффект в деяниях с административной преюдицией проявляется не в общем числе противоправных деяний, суммирование которых дает уголовно наказуемый итог, и не в общем объеме наступивших вредных последствий, хотя он может приближаться к критической массе, необходимой для констатации той степени общественной опасности, которая отличает преступление от иного (вредоносного) правонарушения, или даже превысить ее. В данном случае эффект накопления имеет место при условии массовой распространенности соответствующих административных правонарушений, проявляясь в конечном массовом вреде, существенность которого приобретает значение социального основания криминализации. Описывая ситуацию массового распространения мелких хищений с возрастанием географической их динамики, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев указывают, что «при широкой распространенности случаи, объединенные идеологией по типу “не обеднеют”, способны поставить на колени даже крупные предприятия, учреждения, организации и т.п. А в совокупности провоцируют возникновение очагов социальной напряженности, что и создает обоснованные предпосылки для справедливой криминализации деяния»³⁵.

Полагаем, что подобная логика применима к фактически распространенным непроступным вредоносным деяниям, противодействие которым силами административного права оказалось низкоэффективным. В первую очередь речь идет о побоях, мелких кражах и нарушениях правил дорожного движения, криминализованных с использованием административной преюдиции. В. П. Малков, поддерживая возвращение преюдиции в уголовный закон, высказывается за «криминализацию некоторых опасных правонарушений, характеризующихся тенденцией к их повторению и наносящих существенных вред обществу»³⁶. А. Н. Тарбагаев связывает объяснение административной преюдиции с необходимостью «эффективно ограничить число деяний, не достигающих степени общественной опасности, характерной для преступлений, но широко распространенных и потому мешающих нормальной работе органов государственного управления»³⁷.

Таким образом, повторность, характеризующая механизм накопления общественной опасности от правонарушения к преступлению в нормах с административной преюдицией, направлена на объяснение качественной трансформации некоторого количества непроступных актов в преступный. Отметим, что подобного рода объяснение поддерживается частью исследователей. В частности, Н. И. Пикуров определяет административную преюдицию в уголовном законе как «систему однородных действий, причиняющих совокупный вред одному и тому же объекту»³⁸. Вместе с тем процитированные выше И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев, рассматривая феномен иррациональной криминализации и выделяя на примере деяний с признаками административной преюдиции кумуляцию как один из архетипов такой криминализации, отмечают негативный эффект подобного подхода, поскольку «повторность административного правонарушения не повышает его опасность. Опасность возможна

³⁴ Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.

³⁵ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : Sapientia, 2020. С. 144.

³⁶ Малков В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 195–198.

³⁷ Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 62–68.

³⁸ Пикуров Н. И. Указ. соч. С. 177.

лишь при массовом повторении одних и тех же случаев»³⁹.

Таким образом, ученые ставят возможность учета кумулятивного эффекта в зависимость от массовости деяний, их распространенности: «распространенность деяния может служить аргументом для его криминализации применительно к ситуациям накопления общественной опасности»⁴⁰. Однако данному тезису выдвигается свой антитезис: как пишут А. И. Коробеев и А. А. Ширшов, «распространенность тех или иных форм антиобщественного поведения и их неблагоприятная динамика должны служить скорее препятствием к их криминализации, чем сигналом к установлению уголовного запрета»⁴¹.

Отметим, что объяснение общественной опасности деяния с административной преюдицией посредством кумуляции предлагается в постановлении КС РФ от 10.02.2017 № 2-П: «Общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства». Однако в этом же документе содержится положение о том, что «преступлению — в отличие от иных правонарушений — должна быть присуща криминальная общественная опасность», что, казалось бы, должно в определенной степени сгладить (смягчить?) дискуссию, поскольку вопрос ставится не о преобразовании вредоносности в общественную опасность, а о возрастании последней до степени криминальной. И всё же, находясь в противоречии с легальной позицией относительно качественных характеристик административного правонарушения и преступления, отраженной в КоАП РФ и УК РФ, приведенное положение эту дискуссию лишь усугубляет.

В качестве промежуточного итога отметим, что каждая из приведенных позиций неустойчива в некоторой своей части, и по-другому быть не может, поскольку законодатель придал легальный характер конструкции, заведомо противоречащей сложившемуся в доктрине и нормативно закрепленному подходу к разграничению преступления и правонарушения. Тем не менее представляется, что рассмотрение опасности деяний с признаками административной преюдиции сквозь призму кумулятив-

ного эффекта и свойств личности преступника позволяет объяснить логику межотраслевой дифференциации административной и уголовной ответственности, а также их криминализации — однако не всегда.

3. Межотраслевая дифференциация административной и уголовной ответственности в свете целесообразности

Как отмечается, «между административным правонарушением и преступлением грань достаточно условная, субъективно устанавливаемая законодателем»⁴². Несмотря на эту условность, конструкция преступлений с признаками административной преюдиции имеет значение как минимум формального показателя общественной опасности деятеля и деяния. Действительно, допущение о том, что множественность совершенных нарушений свидетельствует об устойчивости противоправного поведения личности, а массовость их распространения — об объеме причиненного совокупного вреда, достаточного для признания содеянного общественно опасным, имеет значение для обоснования криминализации и межотраслевой дифференциации ответственности. Для большей части преступлений с признаками административной преюдиции подобное допущение представляется справедливым, однако ряд деяний составляет исключение, поскольку и при большом желании обоснование их криминализации и состоявшейся межотраслевой дифференциации административной и уголовной ответственности с позиций общественной опасности не представляется возможным в силу очевидной политической целесообразности, обусловившей придание им характера преступных. Выше мы приводили позицию Л. В. Головки, согласно которой единственным критерием разграничения уголовно и административно наказуемого поведения выступает политическая целесообразность. Отметим, что данная позиция разделяется и иными авторами, критически оценивающими административную преюдицию как «политико-правовой инструмент воздействия на лиц, критикующих

³⁹ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Указ. соч. С. 184.

⁴⁰ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Указ. соч. С. 202.

⁴¹ Коробеев А. И., Ширшов А. А. Указ. соч. С. 68–72.

⁴² Иншаков С. М., Казакова В. А. Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2 (81). С. 57–69.

деятельность органов государственной власти в Российской Федерации»⁴³. Представляется, что данный тезис справедлив лишь для отдельных деяний и учитывает прежде всего содержание криминализируемых противоправных действий, а не саму по себе преюдицию как техническое средство их криминализации. В самом деле, невозможно назвать политически ангажированными, к примеру, деяния, запрещенные статьями 116.1, 151.1, 154, 158.1, 157 УК РФ, однако представляется лукавством отрицание такой подоплеку для преступлений, ответственность за которые предусмотрена в ст. 212.1, 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284.1, ст. 284.2, ч. 2 и 3 ст. 330.1 УК РФ, на что уже указывалось в науке⁴⁴.

Очевидно, что осуществляемый властными субъектами процесс законотворчества — в том числе уголовного — оказывается неразрывно связанным с политической сферой в том смысле, что отражает приоритеты и ценности этих субъектов в их управленческой деятельности. Субъективная составляющая в законотворческом процессе, изменчивая по своему содержанию, остается неизменной в части своего присутствия. В связи с этим криминализация деяний всегда в некоторой степени будет воплощать собой «политический процесс», а поскольку «политический процесс, обусловленный столкновением воли разных людей, всегда иррационален... потому криминализация как часть политики не может не быть такой же»⁴⁵. Этот вывод справедлив и для дифференциации ответственности как на межотраслевом, так и на отраслевом уровне, реализация которой сопутствует любому акту криминализации.

Вместе с тем недопустима ситуация, когда уголовно-правовое законотворчество ориентируется на соображения политической целесообразности при отсутствии соответствующих со-

циальных предпосылок. Результаты подобного законотворчества остаются невостребованными на практике, поскольку, по классификации М. М. Бабаева и Ю. М. Пудовочкина, относятся к «мертворожденным» нормам, то есть «социально не обусловленным, ненужным и лишним в законе»⁴⁶. Однако такие запреты заметно отличаются и юридико-техническим несовершенством, и чрезмерной репрессивностью санкций. Рассматривая административную преюдицию в уголовном законе в свете межотраслевой дифференциации ответственности и предполагая в связи с этим «обеспечение преемственности, в том числе в видах юридической ответственности»⁴⁷, именно на примере указанных норм мы можем наблюдать нарушение вышеизложенного правила. Речь идет о том, что переход от одного вида ответственности к другому, пусть и в рамках смежных правовых отраслей, не может осуществляться скачкообразно, а преемственность этих видов ответственности обеспечивается последовательным возрастанием интенсивности мер воздействия пропорционально изменению вредоносности или общественной опасности деяния. Обращение к вновь появившимся уголовно-правовым нормам с признаками административной преюдиции показывает, что, как правило, законодатель придерживается этой позиции, относя абсолютное большинство деяний к преступлениям небольшой тяжести (14 из 27). Вместе с тем санкции ряда норм позволяют относить запрещенные ими преступления к категориям средней тяжести (6), а в одном случае — к тяжким. На недопустимость подобной ситуации уже указывалось в науке: «если составы преступлений с административной преюдицией являются промежуточным звеном между правонарушением и преступлением, то... степень общественной опасности таких деяний не должна быть высокой»⁴⁸, и

⁴³ Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

⁴⁴ См., например: Синельщиков Ю. П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. 2020. № 1. С. 86–92.

⁴⁵ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Указ. соч. С. 212.

⁴⁶ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. М. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

⁴⁷ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 52.

⁴⁸ Фисенко Д. Ю. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII Международной научной конференции (Красноярск, 4–5 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск, 2019. С. 164–167.

Эта же проблема отмечается иными авторами, см., например: Лобанова Л. В., Лепская М. Ю. Указ. соч. С. 63–69.

обоснованность этого возражения выглядит очевидной: действительно, если в ч. 2 и 5 ст. 215.3, ч. 2 ст. 215.4 УК РФ изменение категории преступлений от небольшой до средней тяжести или тяжкой происходит за счет иных криминообразующих признаков состава (способ, предмет, дополнительные последствия), то в ст. 212.1, 280.1, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284.1, ч. 3 ст. 330.1 УК РФ и др. подобные признаки отсутствуют. Несмотря на промежуточный характер деяний с административной преюдицией, законодатель приравнивает их общественную опасность к этому же показателю преступлений средней тяжести.

Представляется, что подобный подход законодателя иллюстрирует идею о возникновении «в уголовной политике опасной тенденции использовать уголовный закон даже не для паллиативного решения насущных проблем, а для того, чтобы с устрашающими намерениями воздействовать на тех, кто проявляет недовольство социальной ситуацией»⁴⁹.

Кроме того, как было отмечено ранее, будучи реактивными по своей природе и (или) имея регулятивную направленность, политически обусловленные уголовно-правовые запреты редко применяются на практике. В частности, за период 2018–2021 гг. указанные выше нормы применялись в единичных случаях либо не применялись вообще⁵⁰. Как писал П. А. Сорокин, изучая соотношение теоретической («объясняющей») и нормативной наук, постулирование исходного для науки положения при отсутствии его обоснованности сущим приводит к тому, что «любая “практическая” наука становится условной, не общезначимой»⁵¹. Приведенный

тезис вполне пригоден для объяснения ситуации, когда, устанавливая нормативный запрет единственно по соображениям политической целесообразности, не обоснованный «сущим» как реальными данными, свидетельствующими о потребности в уголовно-правовой охране конкретных общественных отношений, законодатель вводит заведомо неработающую норму. Полагаем, что именно подобный исход имеют в виду И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев, указывая, что «политическая воля к криминализации, лишенная социального основания, рождает уголовно-правовую инфляцию»⁵².

4. Межотраслевая дифференциация административной и уголовной ответственности в судебной практике в свете ее оснований

Оптимально, когда идеи, получившие отражение в рамках уголовного законодательства, воплощаются в актах применения правовых норм. Однако подобная ситуация складывается далеко не в каждом случае принятия решения по уголовному делу судом: «политическая воля, даже предельно четко и недвусмысленно выраженная, далеко не всегда приносит ожидаемые результаты, реализуется надлежащим образом теми, кто должен это делать»⁵³. В отдельных случаях такое расхождение представляется необходимым и даже закономерным, поскольку высокودинамичное уголовно-правовое законодательство, зачастую имеющее иррациональный характер, как мы отметили выше, способно породить определенные риски при условии некритичного восприятия правоприменителем

⁴⁹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. М. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения. С. 4–10.

⁵⁰ Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 года» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 29.03.2022) ; ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2019 года» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 29.03.2022) ; ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2020 года» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 29.03.2022) ; ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2021 года» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵¹ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. С. 72.

⁵² Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Указ. соч. С. 204.

⁵³ Дашков Г. В. Криминологическая составляющая в политической воле // Lex russica. 2008. Т. 67. № 4. С. 885–896.

норм уголовного закона. Отсюда акт судебного правоприменения служит своеобразным индикатором, верифицирующим жизнеспособность и обоснованность конкретной уголовно-правовой нормы, поскольку позволяет, во-первых, выявлять «мертвые» нормы, а во-вторых — корректировать представления законодателя в части оценки общественной опасности того или иного деяния. Как отмечают М. М. Бабаев и Ю. М. Пудовочкин, «если решение тех или иных вопросов уголовного права, требующее учета широкого социального контекста (вопросы криминализации и декриминализации), возлагается на органы представительной власти, то вопросы интерпретации уже принятого закона — удел власти судебной»⁵⁴. Подразумевается ли под интерпретацией в данном случае оценка судом общественной опасности деяния или ее законодательное понимание принимается судами как данность?

В продолжение обозначенного тезиса указанные авторы делают заключение, что «в ординарной правоприменительной практике судов проблемы с оценкой конституционного качества и социально-криминологической обусловленности уголовного закона, как правило, не возникают»⁵⁵. В данном случае речь идет об отсутствии обращений судов с соответствующими запросами в Конституционный Суд РФ, что инициирует проверку конституционности отдельной уголовно-правовой нормы. Это утверждение, однако, не отменяет того факта, что расхождение позиций судебных и законодательских органов проявляется в неприменении судами той или иной уголовно-правовой нормы, а также в смягчении карательного потенциала их санкций при определении меры ответственности. В этом заключаются легальные возможности корректирующей деятель-

ности правоприменения как составляющей уголовной политики государства наряду с законотворчеством. Полагаем, что ее результаты отражают позицию судов по вопросу об обоснованности наличия самого по себе конкретного уголовно-правового запрета, а также об адекватности содержания санкции и нормы реальной общественной опасности деяния. В связи с указанным представляется необходимым исследование сложившейся судебной практики в части применения уголовно-правовых норм с признаками административной преюдиции, что позволит установить особенности фактической межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности.

С учетом выделенных выше ее оснований мы проанализировали выборку из судебных решений, принятых по уголовным делам о преступлениях с признаками административной преюдиции. Так, по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ, было изучено двадцать приговоров, анализ которых позволил прийти к следующим выводам:

— в девяти случаях меры уголовно-правового воздействия, назначаемые судом, оказывались равными или менее строгими относительно ранее назначенного административного наказания. Так, в двух случаях назначенный штраф не превышал⁵⁶, в одном случае превышал незначительно (на 1 тыс. руб.)⁵⁷ ранее назначенный административный штраф; в шести случаях меры уголовно-правового воздействия оказались мягче примененного ранее административного наказания, что проявилось в освобождении от ответственности в связи с примирением с потерпевшим⁵⁸, условном осуждении, чему, к слову говоря, не помешало наличие совокупности преступлений

⁵⁴ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. М. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 153–185.

⁵⁵ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. М. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики. С. 153–185.

⁵⁶ Приговор Вологодского районного суда Вологодской области от 22.09.2020 по делу № 1-16/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FLcaimlkNTZO/> (дата обращения: 01.06.2022) ; приговор Шабалинского районного суда Кировской области от 29.06.2021 по делу № 1-2/25/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XeCLAiQNI0JR/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵⁷ Приговор Карабашского городского суда Челябинской области от 03.11.2020 по делу № 01-61/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1WfR4hjYKiVJ/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵⁸ Постановление Шилкинского районного суда Забайкальского края от 28.06.2021 по делу № 1-213/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LT92J4XCFCg/> (дата обращения: 01.06.2022) ; постановление Бодайбинского городского суда Иркутской области от 27.11.2020 по делу № 1-144/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/o3FUXXgQm75u/> (дата обращения: 01.06.2022).

- в действиях виновного⁵⁹, назначении обязательных работ при ранее назначенном административном аресте⁶⁰;
- в ряде случаев более лояльный подход правоприменителя, по всей видимости, был обусловлен характеристиками личности виновного, для которого вмененное деяние являлось впервые совершенным при наличии положительных или удовлетворительных характеристик в целом. Их установление позволило суду в отдельных случаях применить ст. 76, ст. 73 УК РФ, назначить наказание, равное ранее примененным административным мерам или незначительно превышающее их. Вместе с тем наличие судимости, в том числе за тяжкие преступления с реальным отбыванием срока лишения свободы, в ряде случаев не послужило препятствием для применения менее сурового наказания, чем ранее назначенное административное, а также для применения ст. 73 УК РФ.

Сформулированные выводы, в свою очередь, позволяют предположить, что оценка судами личности виновного, которой в теории применительно к деяниям с административной преюдицией придается значение условия трансформации вредоносности в обществен-

ную опасность, не всегда этому подходу соответствует. Иным образом объяснить применение более лояльных уголовно-правовых мер к лицам, совершившим указанные деяния и имеющим при этом судимость, не представляется возможным, учитывая презумпцию законности, обоснованности и справедливости вступивших в силу приговоров. При этом в половине из изученных приговоров назначенные меры уголовной ответственности по степени суровости превышали ранее примененные административные наказания, будучи представленными обязательными или исправительными работами⁶¹.

Особого внимания заслуживает судебная практика привлечения к ответственности по ст. 116 УК РФ, обращение к которой, на наш взгляд, способно конструктивно дополнить вырисовывающуюся среднестатистическую позицию правоприменителя в части межотраслевой дифференциации ответственности. Так, из десяти проанализированных приговоров в семи случаях суд применил ст. 73 УК РФ, невзирая на наличие совокупности с более тяжкими деяниями и судимости виновных лиц⁶². Парадоксальным следует признать тот факт, что лица, впервые привлекавшиеся к уголовной ответственности, осуждались к наказанию в виде обязательных

⁵⁹ Приговор Читинского районного суда Забайкальского края от 02.11.2020 по делу № 1-272/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GESqOFLddrdV> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Сретенского районного суда Забайкальского края от 28.10.2020 по делу № 1-159/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GSb2GARpHNow/> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Шелопугинского районного суда Забайкальского края от 25.09.2020 по делу № 1-37/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qTsH1J3wqY5j/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁶⁰ Приговор Богородского городского суда Нижегородской области от 24.11.2020 по делу № 1-324/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qjNpB2T3IOZU/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁶¹ Исправительные работы в науке некоторыми учеными именуются «штрафом в рассрочку» (см., например: *Маркунцов С. А.* О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2019. № 3. С. 256–263). Несмотря на это, указанный вид наказания является более суровым в сравнении с ранее назначенным административным наказанием в виде штрафа по изученным приговорам в связи с относительно небольшими размерами последнего.

⁶² Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25.06.2020 по делу № 1-643/2020 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/550883.html> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Кировского районного суда г. Перми от 20.01.2017 по делу № 1-8/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/546877.html> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Московского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 15.12.2017 по делу № 1-409/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/544862.html> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Сорновского районного суда г. Н. Новгорода от 13.04.2017 по делу № 1-188/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/455173.html> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25.04.2017 по делу № 1-211/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/454451.html> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 24.04.2017 по делу № 1-430/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/388415.html> (дата обращения: 01.06.2022); приговор Октябрьского районного суда г. Крас-

работ⁶³, фактическое отбывание которых более чувствительно для виновного, нежели применение условных мер воздействия. Кроме того, сопоставляя меры административного и уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в совершении деяний, предусмотренных соответственно статьей 6.1.1 КоАП РФ и статьей 116.1 УК РФ, с мерами, назначаемыми за совершение преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, становится очевидным несоблюдение на правоприменительном уровне логики преэминентности ответственности при ее дифференциации. Более того, особенности личности, однозначно свидетельствующие о ее антиобщественной направленности и готовности к последующему противоправному поведению, что проявляется в совершении совокупности преступлений при наличии непогашенной судимости, не получают должной оценки, если не сказать игнорируются правоприменителем.

5. Выводы

Феномен административной преюдиции в уголовном праве требует дальнейшего осмыс-

ления, поскольку его присутствие только расширяется, несмотря на активные возражения со стороны части научной общественности. На наш взгляд, достаточным обоснованием имеющей место межотраслевой дифференциации ответственности посредством данной конструкции выступает идея о кумулятивной общественной опасности массово распространенных преступных деяний, совершаемых лицами, демонстрирующими тем самым свою готовность к криминальному поведению. Однако данная идея применима лишь к части уголовно-правовых норм с признаками административной преюдиции, поскольку присутствие в уголовном законе другой части можно объяснить лишь с позиции целесообразности.

Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что на правоприменительном уровне идея межотраслевой дифференциации ответственности не воспринята, что проявляется в недооценке общественной опасности личности преступника и в конечном итоге в нарушении логики последовательного возрастания интенсивности применяемых мер ответственности за смежные административные и уголовные деяния.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. — 2017. — № 2. — С. 21–29.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. М. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — № 51. — С. 153–185.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. М. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. — 2010. — № 6. — С. 4–10.
4. Богданов А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. — 2018. — Т. 26 (1–4). — № 4. — С. 482–486.
5. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. — М. : РАП, 2008. — 304 с.
6. Головкин Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex russica. — 2016. — Т. 25. — № 1. — С. 139–145.
7. Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. — 2013. — № 1 (5). — С. 42–52.

ноябрь от 30.03.2017 по делу № 1-197/17 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/340311.html> (дата обращения: 01.06.2022).

⁶³ Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 08.12.2020 по делу № 1-861/2020 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/550788.html> (дата обращения: 01.06.2022) ; приговор Индустриального районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 24.10.2017 по делу № 1-436/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/457684.html> (дата обращения: 01.06.2022).

8. Дашков Г. В. Криминологическая составляющая в политической воле // Lex russica. — 2008. — Т. 67. — № 4. — С. 885–896.
9. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. — М. : Юридическая литература, 1975. — 182 с.
10. Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в широком смысле // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 1 (6). — С. 37–45.
11. Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 50–53.
12. Иншаков С. М., Казакова В. А. Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2 (81). — С. 57–69.
13. Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. — 2000. — № 3. — С. 65–74.
14. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. — Екатеринбург : Sapientia, 2020. — 256 с.
15. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68–72.
16. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 300 с.
17. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. — 2003. — № 1. — С. 3–19.
18. Лобанова Л. В., Лепская М. Ю. Некоторые аспекты использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Юридическая наука. — 2017. — № 6. — С. 63–69.
19. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 65–71.
20. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». — 2018. — Т. 8. — № 4 (29). — С. 131–136.
21. Малков В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 2. — С. 195–198.
22. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. — Казань, 2006. — 139 с.
23. Маркунцов С. А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2019. — № 3. — С. 256–263.
24. Маркунцов С. А. О соотношении административно-правовых и уголовно-правовых запретов // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 4 (59). — С. 56–63.
25. Одоев О. С. Административная преюдиция в уголовном праве России и стран СНГ : монография. — М. : Юриспруденция, 2018. — 190 с.
26. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей : монография. — Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. — 219 с.
27. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. — Томск, 2012. — 142 с.
28. Рогова Е. В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 3 (59). — С. 23–29.
29. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М., 1957. — 288 с.
30. Румянцев М. С., Кузнецов С. В. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера // Юридическая наука. — 2013. — № 2. — С. 64–67.
31. Синельщиков Ю. П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. — 2020. — № 1. — С. 86–92.
32. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. — М. : Астрель, 2006. — 618 с.
33. Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1992. — № 2. — С. 62–68.

34. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова [и др.]. — М. : Юридическая литература, 1994. — 535 с.
35. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. — Томск : Изд-во Томского университета, 1973. — 153 с.
36. Фисенко Д. Ю. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII Международной научной конференции (Красноярск, 4–5 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н. Н. Цуканов. — Красноярск, 2019. — С. 164–167.
37. Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности : монография. — СПб. : Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр-Пресс», 2007. — 950 с.
38. Яковлев В. Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1975. — № 1. — С. 16–23.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Administrativnaya preyuditsiya v уголовном prave: kazus Ildara Dadina [Administrative prejudice in criminal law: Ildar Dadin Case]. *Zakon [Law]*. 2017;2:21-29. (In Russ.).
2. Babaev MM, Pudovochkin YuM. Vzaimootnosheniya sudebnoy i zakonodatelnoy vlasti v kontekste уголовnoy politiki [Relationship between the judiciary and the legislature in the context of criminal policy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2021;51:153-185. (In Russ.).
3. Babaev MM, Pudovochkin YuM. «Mertvye» normy v Uголовnom kodekse: problemy i resheniya [«Dead» norms in the Criminal Code: Problems and solutions]. *Uголовnoe pravo [Criminal Law]*. 2010;6:4-10. (In Russ.).
4. Bogdanov AV. Osobennosti subekta prestupleniy, soderzhashchikh administrativnuyu preyuditsiyu, v deystvuyushchem уголовnom zakone Rossii [Peculiarities of the subject of crimes containing administrative prejudice in the current Criminal law of Russia]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: Crime and punishment]*. 2018;26(4):482-486. (In Russ.).
5. Vitruk NV. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya [General theory of legal responsibility: a monograph]. Moscow: RAP Publ.; 2008. (In Russ.).
6. Golovko LV. Razgranichenie administrativnoy i уголовnoy otvetstvennosti po rossiyskomu pravu [Differentiation of administrative and criminal liability under Russian law]. *Lex russica*. 2016;25(1):139-145. (In Russ.).
7. Golovko LV. Sootnoshenie уголовnykh prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy v kontekste kontseptsii Criminal Matter (уголовnoy sfery) [Interrelation between Criminal Offences and Administrative Offences in the Context of the Concept of Criminal Matter (Criminal Sphere)]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2013;1(5):42-52. (In Russ.).
8. Dashkov GV. Kriminologicheskaya sostavlyayushchaya v politicheskoy vole [Criminological component in political will]. *Lex russica*. 2008;67(4):885-896. (In Russ.).
9. Demidov YuA. Sotsialnaya tsennost i otsenka v уголовnom prave [Social value and evaluation in criminal law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975. (In Russ.).
10. Esakov GA. Ot administrativnykh pravonarusheniy k уголовnykh prostupkam, ili o sushchestvovanii уголовnoy prava v shirokom smysle [From Administrative Offences to Criminal Violations, or on the Existence of Criminal Law in a 'Broad Meaning']. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal [Criminalist's Library Scientific Journal]*. 2013;1(6):37-45. (In Russ.).
11. Ivanchin A. O polze razumnogo ispolzovaniya administrativnoy preyuditsii v уголовnom prave (v svyazi s postanovleniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2017 g. № 2-P) [On the benefits of reasonable use of administrative prejudice in criminal law (in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of February 10, 2017)]. *Uголовnoe pravo [Criminal Law]*. 2017;4:50-53. (In Russ.).
12. Inshakov SM, Kazakova VA. Mezhotraslevaya integratsiya kak predposylka effektivnosti prava [Intersectoral integration as a prerequisite for the effectiveness of law]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva*

- vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2017;2(81):57-69. (In Russ.).
13. Klepitskiy IA. Prestuplenie, administrativnoe pravonarushenie i nakazanie v Rossii v svete Evropeyskoy konventsii o pravakh cheloveka [Crime, administrative offense and punishment in Russia in the light of the European Convention on Human Rights]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2000;3:65-74. (In Russ.).
 14. Kozachenko Yal, Sergeev DN. Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskiy putevoditel po miru prestupnogo i neprestupnogo [The new criminalization: A philosophical and legal guide to the world of the criminal and the unapproachable]. Ekaterinburg: Sapientia Publ.; 2020. (In Russ.).
 15. Korobeev AI, Shirshov AA. Ugolovnyy prostupok skvoz prizmu instituta administrativnoy preyditsii: blago ili zlo? [Criminal misconduct through the prism of the institution of administrative prejudice: Good or evil?]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2017;4:68-72. (In Russ.).
 16. Kruglikov LL, Vasilevskiy AV. Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugolovnom prave [Differentiation of responsibility in criminal law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
 17. Kuznetsova NF. Sem let Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Seven years of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 11*. 2003;1:3-19. (In Russ.).
 18. Lobanova LV, Lepskaya MYu. Nekotorye aspekty ispolzovaniya administrativnoy preyditsii v ugolovnom zakonodatelstve [Some aspects of the use of administrative prejudice in criminal legislation]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science]. 2017;6:63-69. (In Russ.).
 19. Lopashenko NA. Administrativnoy preyditsii v ugolovnom prave — net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. 2011;3(23):65-71. (In Russ.).
 20. Lopashenko NA. Mezhotraslevaya differentsiatsiya: model kriteriev, uchityvaemykh pri kriminalizatsii deyanii [Intersectoral differentiation: A model of criteria taken into account when criminalizing acts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya i pravo»* [Proceedings of the Southwest State University. Series «History and Law»]. 2018;8(4(29)):131-136. (In Russ.).
 21. Malkov VP. Administrativnaya i distsiplinarnaya preyditsiya kak sredstva dekriminalizatsii i kriminalizatsii v ugolovnom prave [Administrative and disciplinary prejudice as a means of decriminalization and criminalization in criminal law]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian legislation]. 2008;2:195-198. (In Russ.).
 22. Malkov VP. Mnozhestvennost prestupleniy: sushchnost, vidy, pravovoe znachenie [Multiple offenses: Essence, types, legal significance]. Kazan; 2006. (In Russ.).
 23. Markuntsov SA. O primenenii ugolovno-pravovykh zapretov, skonstruirovannykh s ispolzovaniem administrativnoy preyditsii [On the application of criminal law prohibitions constructed using administrative prejudice]. *Vestnik VGU. Seriya «Pravo»* [Proceedings of Voronezh State University. Series «Law»]. 2019;3:256-263. (In Russ.).
 24. Markuntsov SA. O sootnoshenii administrativno-pravovykh i ugolovno-pravovykh zapretov [On the relationship between administrative legal and criminal legal prohibitions]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Law Herald]. 2012;4(59):56-63. (In Russ.).
 25. Odov OS. Administrativnaya preyditsiya v ugolovnom prave Rossii i stran SNG: monografiya [Administrative prejudice in criminal law of Russia and CIS countries: A monograph]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2018. (In Russ.).
 26. Pikurov NI. Ugolovnoe pravo v sisteme mezhotraslevykh svyazey: monografiya [Criminal law in the system of intersectoral relations: a monograph]. Volgograd: VUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 1998. (In Russ.).
 27. Prozumentov LM. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk; 2012. (In Russ.).
 28. Rogova EV. Ugolovnyy prostupok i mezhotraslevaya differentsiatsiya otvetstvennosti [Criminal misconduct and intersectoral differentiation of responsibility]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. 2017;3(59):23-29. (In Russ.).
 29. Rubinshteyn SL. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow; 1957. (In Russ.).
 30. Rumyantsev MS., Kuznetsov SV. Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti: yuridicheskoe soderzhanie i problemy mezhotraslevogo kharaktera [Differentiation of criminal responsibility: Legal content and problems of an intersectoral nature]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science]. 2013;2:64-67. (In Russ.).

31. Sinelshchikov YuP. Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [Administrative prejudice in modern criminal proceedings: Theory and practice]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2020;1:86-92. (In Russ.).
32. Sorokin PA. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali [Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the main forms of social behavior and morality]. Moscow: Astrel Publ.; 2006. (In Russ.).
33. Tarbagaev AN. Administrativnaya otvetstvennost v ugovnom prave [Administrative responsibility in criminal law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]*. 1992;2:62-68. (In Russ.).
34. Zdravomyslov BV, editor. Uголовное право. Obshchaya chast: uchebnik [Criminal Law: A textbook]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1994. (In Russ.).
35. Filimonov VD. Obshchestvennaya opasnost lichnosti otdelnykh kategoriy prestupnikov i ee ugovno-pravovoe znachenie [The public danger of the personality of certain categories of criminals and its criminal-legal significance]. Tomsk: Publishing House of Volgograd University; 1973. (In Russ.).
36. Fisenko DYU. Problemy pravovoy reglamentatsii instituta administrativnoy preyuditsii v deystvuyushchem ugovnom zakonodatelstve [Problems of legal regulation of the institute of administrative prejudice in the current criminal legislation]. In: Tsukanov NN, editor. Aktualnye problemy borby s prestupnostyu: voprosy teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Krasnoyarsk 4–5 aprelya 2019 g. [Topical problems of combating crime: Issues of theory and practice. Proceedings of the international scientific conference. Krasnoyarsk, April 4–5, 2019]. Krasnoyarsk; 2019. Pp. 164–167. (In Russ.).
37. Khachaturov RL, Lipinskiy DA. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya [General theory of legal responsibility: A monograph]. St. Petersburg: Publishing house of R. Arslanov «Yuridicheskiy tsentr-Press»; 2007. (In Russ.).
38. Yakovlev VF. Otrasleyaya differentsiatsiya i mezhotraslevaya integratsiya kak osnovy sistemy zakonodatelstva [Sectoral differentiation and intersectoral integration as the basis of the system of legislation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]*. 1975;1:16-23. (In Russ.).